

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Курышевой Марины Александровны «Византийская книжная культура эпохи Македонской династии: создатели, заказчики и владельцы рукописей и предметов с надписями IX–X веков», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история (Средние века)

Диссертационное исследование Курышевой М.А. вписывается в контекст одного из наиболее значительных поворотов в социально-гуманитарных науках последнего времени, именно «реалогического поворота», как назвал его Майкл Эпштейн, профессор департамента теории культуры Университета Эмори. Среди наиболее значительных открытий такового можно выделить личностное измерение вещей, восприятие вещного мира, его предметов как телесного воплощения мысли. Византийские рукописи IX–X вв., избранные соискателем в качестве предмета исследования, оказались вещами с максимальным индексом выраженности личностного начала, кажется, задолго до того, как стало принято говорить о личности. Фокусирование исследовательского интереса на столетиях особого подъема византийской культуры, именуемого Македонским Возрождением, когда греческий язык утверждался в качестве официального средства коммуникации в империи, когда активизировалось обращение к эллинистическо-христианскому наследию и закладывались основы ромейской идентичности, только усиливает значимость предпринятого исследования. К этому нужно добавить, что именно в эти столетия определился духовный выбор Руси, принявшей христианство в греческой, именно, византийской форме. Все выше отмеченное делает рассматриваемую диссертацию суперактуальной.

Новизну полученных результатов исследования Курышевой М.А., в первую очередь, определяет изучение *de visu* оригиналов византийских рукописей из собраний Государственного исторического музея, Российской

государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Научной библиотеки Московского университета, а также полных цифровых копий из рукописных коллекций Национальных библиотек Австрии, Греции, Испании, Франции, Библиотеки Ватикана, Британской библиотеки, Библиотеки Ватопедского монастыря на Афоне, Государственной библиотеки Берлина, Национальной библиотеки «Марчана» в Венеции, Королевской библиотеки в Копенгагене, Ягеллонской библиотеки в Кракове, Библиотеки Ляйпцигского университета, Библиотеки преподобного Амвросия, или «Амброзиана» в Милане и др.

Заметный потенциал новизны рассматриваемой диссертации сообщает привлечение вещественных источников, в частности, персональных печатей, колец-печаток, то есть предметов «с высокой социальной агентностью и политическим символизмом» (с. 15), что впервые позволяет артикулировать проблемы редкостного динамизма, едва ли не «революции» византийской книжной культуры той эпохи (с. 27), ее стремительного генезиса, развития, расцвета и разворачивания в новые формы, сохранившие силу до конца «долгого средневековья»; впервые дает возможность концептуализировать проблематику «социального поля» книжной культуры, интенсивность взаимодействия канцелярий, скрипториев, библиотек, архивов, создателей текстов, заказчиков кодексов, собирателей книг и читателей, создания довольно продуктивной графосферы с ярко выраженным индивидуализмом ее акторов и агентов. Не удивительно, что уже в IX в. проявились такие особые феномены византийской книжной культуры, как «массовое» книгоиздание Студитского монастыря, «библиофильство» патриарха Фотия и «имперские интеллектуальные программы» Льва VI Мудрого и Константина VII Порфирогенета.

Новые ориентиры в понимании византийской книжности Македонского Возрождения задает и тщательно проведенный историографический анализ. Несмотря на множество публикаций в мировом византиноведении по различным аспектам византийского социума как «мира книг» и уникального

«общества библиофилов», достаточно лишь вспомнить классические труды Поля Лемерля (1903–1989), директора Научно-исследовательского центра изучения византийской цивилизации в Париже, Курта Вайцмана (1904–1993), профессора департамента искусств Принстонского университета, и Херберта Хунгера (1914–2000), директора Института византийских исследований Австрийской академии наук, не сложилось понимания «социального поля» книжной культуры Византии той эпохи, то есть видения не только бесконечной череды авторов замечательных текстов, но и тех, кто занимался их копированием, оформлением, переплетом, тиражированием, распространением, коллекционированием, сохранением и вообще читательской аудитории. Все новые и новые публикации последних лет по «орфографии» константинопольского двора, архивации публичных и частных документов, «византийской социографике», таких влиятельных византинистов, как Майкл Физерстоун, научный сотрудник Французского института исследований за рубежом в Оксфорде, Михаэль Грюнбарт, директор Института византистики и неогрецистики Мюнстерского университета, Христиан Гастгебер, руководитель исследовательской группы «Язык, текст и письменность» отделения византийских исследований Института медиевистики Австрийской академии наук, и др., мало что добавляют в новой оптике соискателя.

Мощным средством обновления знания по византийской книжной культуре Македонского Ренессанса служит методологический инструментарий рассматриваемой диссертации. Курышевой М.А. весьма продуктивно использованы методы акторно-сетевой теории, разработанной Бруно Латуром (1947–2022) и Мишелем Каллоном, профессорами Центра социологических инноваций Парижской горной школы. Согласно данной теории, в число действующих агентов социальных отношений включаются не только субъекты, наделенные волей, но и материальные объекты, внешне безынициативные. В анализируемой диссертации к таковым относятся, в частности, артефакты, книги, личные печати, кольца и другие предметы с

персонализирующими признаками. Помимо этого, в работе были задействованы методы теории малых и средних групп, обоснованной Маршаллом Скоттом Пулом, профессором департамента коммуникаций Иллинойского университета Урбана-Шампейн. Последняя предполагает выявление уровней групповой активности / пассивности, интеграции / дезинтеграции. В вынесенной на защиту диссертационной работе к малым группам отнесены школы каллиграфии, скриптории и т.п., а к средним группам – сообщества придворных чиновников, высших офицеров, интеллектуалов и др. Особо необходимо отметить результативность применения соискателем методов из арсенала так называемой «уликовой парадигмы», предложенной Карло Гинзбургом, профессором департамента культуральной истории Европы Пизанской высшей нормальной школы, с ее концептами «материальности прошлого», возможности приближения к истине по оставленным «следам», что возвращает истории изначальный статус расследования в строгих процедурах судебного разбирательства сохранившихся свидетельств и оставленных вещественных улик. И, разумеется, в представленной диссертации блестяще реализованы методы палеографии, кодикологии, дипломатики и сфрагистики.

Среди наиболее значимых результатов диссертации Курышевой М.А. надлежит выделить, в первую очередь, выявление соискателем трех сегментов социального поля книжной культуры Византии IX–X вв.:

- церковь;
- общественно-институциональные сеттинги (библиотеки, архивы, учебные заведения);
- частные собрания книг и документов.

Другим весомым результатом анализируемой работы выступает выявление особого придворного стиля оформления рукописей Македонской династии (карманный формат, маюскул, окрашенные пурпуром листы пергамента, золотые или серебряные чернила), новая атрибуция кодекса Neapol. gr. 2*, созданного не в X в., а в IX в. и принадлежавшего не евнуху

Василию Нофу, незаконнорожденному сыну Романа II Лакапина, а Василию I Македонянину; впервые были интерпретированы как протоэкслибрис основателя Македонской династии знак греческого креста со вписанной в него надписью “Βασίλειου κρατος” (с. 54) и как личные атрибуты писцов I, II и III соответственно – виньетка с растительным побегом и листиками-сердечками, линейная заставка и виньетка в виде плетенки (с. 56). Кодекс отразил идеологию простолюдина, не обученного грамоте в детстве и только в зрелом возрасте приобщившегося к знанию, чтению и письму, способного читать и писать только заглавные буквы, волею случая выигравшего «игру престолов» и основавшего династию с идеей особой пурпурно-золотой власти (с. 58).

Еще одним заметным результатом обсуждаемой диссертации становится обнаружение индивидуальных почерков в византийской книжности, начиная с IX в. В следующем столетии уже отчетливо сложилось искусство различения почерков и одновременно имитации их наиболее влиятельных индивидуальных форм. Лев VI Мудрый основательно разбирался в почерках людей своего окружения, мог отличить подлинник руки одного из приближенных от имитации. Константин VII Багрянородный мог с первого взгляда распознать руку своего отца в личных бумагах. Патриарх Николай Мистик, паракимомен и патрикий Самона прибегали к использованию «подложных писем», «питакиев». Были «мастера», способные подделать почерк любого высокопоставленного лица, фальсифицировать личные печати (с. 60-67). Патриарх Фотий составил фальшивую генеалогию Василия Македонянина, придав ей вид древнего кодекса на папирусных листах, использовав архаичный александрийский шрифт, старинный переплет (с. 79).

Глубокими наблюдениями обогащен экскурс диссертанта в ненаписанную историю библиотек Византии изучаемого времени. В этом контексте особо плодотворны рассуждения соискателя о появлении первых императорской и патриаршей библиотек, выделении для них залов и мебели для хранения и использования книг, составлении каталогов, транслитерации трудночитаемых рукописей, об особом интересе к энциклопедическим

собраниям по всем отраслям знаний, об удивительной «походной библиотеке» византийской армии. В наиболее ярких высказываниях считается подлинный энкомий византийской библиотеке как особом центре, где продуцировалась культурная память Византии, осуществлялось служение вечности и высшему знанию (с. 78).

К новым важным результатам привел соискателя дальнейший анализ так называемого «алмазного письма», свойственного дорогим кодексам из императорского скриптория Македонской династии X в. и выделявшегося характерными капельками или шариками на концах волосных линий греческих букв. Диссертантом была выявлена небольшая библиотека Ṣā'ида ибн Даниила ибн Бишра, собирателя XII в., в составе которой выделены 7 книг алмазного письма IX–X вв., созданных в столице Византийской империи, собранных названным синайским библиофилом, а затем подаренных монастырю Св. Екатерины на Синае (с. 89-90). Наряду с престижным «алмазным письмом» были обнаружены конкурирующие стили, вытесненные на периферию «книжной моды» Византии (с. 92).

Впечатляющие результаты дал предпринятый соискателем палеографический и кодикологический анализ манускрипта «Обрядник византийского двора» из отдела рукописей Библиотеки Ляйпцигского университета (Lipsien. Rep. I. 17). Диссертант убедительно отклоняет распространенную атрибуцию данного текста проедру Василию Лакапину Нофу, сочинения (в частности, трактат о морских сражениях) и личные предметы которого сегодня известны и доступны для сравнительного изучения, однако личный почерк которого остается не известным (с. 132-133). Равно как не мог его составить и паракимомен и препозит Иосиф Вринга (с. 134). Соискатель справедливо предпочитает говорить об анонимном «мастере церемоний», отмечает индивидуальность его почерка, одну и ту же руку писца в составлении основного текста и многочисленных пояснений на полях. Этот мастер не был каллиграфом, как Василий Ноф или Иосиф Вринга, он пользовался обиходным письмом, опирался на несохранившийся «старый

обрядник». В диссертации, пожалуй, впервые был проанализирован словарь маргиналий «Обрядника», выявлена продолжавшаяся трансляция церемониального вокабулярия Византийской империи с латинского языка на греческий, когда записанные греческими буквами латинские слова основного текста пояснялись по-гречески на полях, отражая «забывание» латинской терминологии при дворе Македонской династии и актуализацию греческой. Уточнения делались для названий одежды, выплат, специфики движений, жестов, места проведения, дат, времени установления праздников и т.п. Для понимания хронологии данного манускрипта оказались существенными не столько сведения о саркофагах, один из которых так и остался анонимным, а строки рядом с ним остались незаполненными, а монограмма “τοῦ Φωκῆ” императора Никифора Фоки, правившего в 963–969 гг.

Весьма ценные результаты дало и реализованное в диссертации Курышевой М.А. изучение графоцентричного мира Византии Македонского Возрождения, где доминирующее место занимали люди книжной культуры, в совершенстве владевшие искусством каллиграфии, ценившие книги не только по этическим, знаниевым качествам, но и по эстетическим достоинствам, где императоры выделялись выдающимися интеллектуальными талантами, способными писать глубокомысленные сочинения, инициировать масштабные программы систематизации научного знания и просвещения. Диссертанту удалось реконструировать роль одного из наиболее влиятельных акторов византийской графосферы той эпохи – Василия Нофа, незаконного отпрыска василевса и «скифянки», оскотиненного в отрочестве, начинавшего свое восхождение с должности протовестиария, начальника императорской гардеробной, и главы личной библиотеки императора, достигшего должностей великого баюла, наставника наследника престола, паракимомена, главного спальничьего, высшей должности для евнуха, и даже – проедра, второго лица в империи. Он оплачивал изготовление роскошных кодексов, украшенных золотом, в частности, «Гомилий» Иоанна Златоуста, «Евангельских чтений», «Апостола», «Лекционария» и собрания военных трактатов, в числе которых

находилось и его собственное сочинение “Ναυμαχικὰ συνταχθέντα παρὰ Βασιλείου πατρικίου καὶ παρακοινοῦμένου”; он был заказчиком знаменитой «Лимбургской ставротечи», диска и потира из желтой яшмы, переделанных в ковчег для главы Иоанна Златоуста, двух реликвариев; ему принадлежали золотое кольцо, десяток печатей; на его средства были построены храм, богадельня, баня для бедных, больница. Диссертантом даны убедительные атрибуции, прочтения надписей и интерпретации всех выявленных артефактов, отмечается влияние Нофа на формирование новой моды в книжной культуре Византии X в. (с. 177-180, 217-223). Ярким проявлением таковой стала так называемая «Библия Никиты», реконструируемая из трех фрагментов, сохранившихся в трех рукописных собраниях библиотек Турина, Копенгагена и Флоренции. Соискателю удалось идентифицировать данного Никиту с нотарием, китонитом, служителем спальни василевса, Никитой, ближайшим сподвижником Василия Нофа, позднее занимавшим должности протоспафария, главы телохранителей василевса, и друнгария флота, командующего императорским флотом; в качестве последнего Никита попал в плен, оказался в Африке, там собственноручно составил рукопись «Гомилий» Василия Великого, оставив пустые места для заставок, концовок и других украшений книги, после был выкуплен за баснословную сумму, возвратился в Константинополь и заказал в столичном скриптории богатое оформление рукописи (с. 225-236).

Наконец, к исключительно значимым результатам привело изучение соискателем микрогрупп пишущего сообщества Византии того времени. Диссертантом были реконструированы связи между «анонимным учителем», работавшим в 940–950-х гг., и монахом Ефремом, давшим целую плеяду блистательных учеников, таких, как монах Василий, священник Иоанн, монах Константин и др. Почерк монаха Ефрема заложил основы так называемого «жемчужного письма». Курышевой М.А. выявлены 9 рукописей, написанных монахом Ефремом, определены характерные признаки его индивидуального почерка, одним из каковых, претендующих на личный знак, мог выступать

маленький простой крест на верхнем поле первой страницы каждой тетради (с. 236-246). Если микрогруппа «анонимного учителя» и монаха Ефрема была ориентирована на запросы церкви, то микрогруппа, концентрировавшаяся вокруг семейства Фок, как основного заказчика, была направлена на интересы военной администрации в копировании всевозможных трактатов по стратегии, тактике, полиоркетике, навмахии и т.п. Пожалуй, перерастала статус микрогрупп та, что складывалась вокруг самого императора Константина VII Багрянородного; она была заинтересована превыше всего в генерализации исторического знания. Ярким продуктом ее деятельности стал кодекс Vat. gr. 167, каковой составили три исторических сочинения. Первое представляло собой анонимную «Хронографию», составленную по личному распоряжению василевса. Второе включало в себя «Хронику Продолжателя Феофана» с идеалом расширения ромейской истории как всемирной истории, с «Жизнеописанием» Василия I Македонянина анонимного автора, а также с материалами «семейных историй», собранных самим Константином VII. Третье содержало «Хронику» Симеона Магистра и Логофета без начала, но с эпиграфией Константину VII Багрянородному. Диссертантом выделены почерки нескольких писцов этого кодекса, приведены убедительные доводы по поводу обновленной датировки последней трети X в. В частности, приведена интерполяция в тексте второй редакции «Хроники» Симеона Магистра и Логофета о «народе росов», каковая указывает на создание текста после 987–990 х гг., когда князь Руси Владимир получил в жены багрянородную сестру византийских императоров Василия II и Константина VIII Анну (с. 274).

В целом, проведенное Курышевой М.А. диссертационное исследование отличается совершенным качеством, почти не оставляющим шансов для высказывания хоть каких-то замечаний.

Можно отметить лишь некоторые частности. К примеру, режет глаз словосочетание «первый гуманизм» (с. 20). Оно невольно предполагает, что вслед за ним мог быть какой-то «второй» и даже «третий» гуманизм. Лучше

было бы обозначить подобное явление словом «протогуманизм», или «предгуманизм», подобно тому, как отличают Проторенессанс от собственно Ренессанса (Предвозрождение от Возрождения).

Пурпур едва ли может быть связан с каким-то видом лишайника (с. 48); это — жидкие выделения иглянки (мурицида, мурексы), моллюска, добывавшегося специально обученными ныряльщиками в Красном море со времен древности; подобные выделения служили красителем для окрашивания тканей в красный цвет, но также и для пергамена.

Топоним «Херсонес» (с. 169) лучше подходит для древней эпохи, тогда как для Средних веков предпочтительней его огласовка «Херсон».

Монастырь камальдулов, небольшого локального ответвления в ордене бенедиктинцев, существовал автономно близ Ареццо, не знал епископской иерархии и церковно-административного деления. Именно в его ведении находилась церковь Симеона Стилита, или Столпника (с. 179).

Подводя итог, нужно отметить, что диссертация Курышевой Марины Александровны представляет собой значимое научное достижение в области византиноведения, открывающее новое понимание византийской книжной культуры эпохи Македонского Возрождения, той исключительно важной эпохи, когда формировалась особая ромейская идентичность с исключительной ролью греческого языка, возвышавшейся значимостью эллинистического наследия, расширявшейся географией мира ортодоксии и соответствующей семиосферой. Основные положения и выводы диссертации тщательно и всесторонне обоснованы, отличаются глубочайшей фундированностью, широкой апробацией в 27-и статьях, опубликованных в высокорейтинговых журналах из списка ВАК и одновременно представленных в международных наукометрических базах Web of Sciences и Scopus. Автореферат полностью отражает содержание диссертации. Ее текст соответствует требованиям Раздела II, пунктов 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (в Редакции от 16.10.2024 г., с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.01.2025 г.), а соискатель заслуживает

5.6.2. Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
Института социально-гуманитарных
наук ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»,
почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации, профессор

Еманов Александр Георгиевич

Почтовый адрес:
625003, г. Тюмень,
ул. Володарского, д. 6,
ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный
университет»
Тел.: +7 (3452) 597429
E-mail: common@utmn.ru

07.05.2025

Подпись Еманов Н.Г. удостоверяю
Заместитель начальника управления -
начальник отдела рекрутинга и развития персонала
Н.В. Машинова
«07» 05 2025 г.